

Филологические науки
Philological Sciences

Оригинальная статья

DOI: 10.17748/2686–9969–2024–8-2-129-152

УДК 811.161.1

EDN IMAEIV

**НЕВЕЖЛИВОСТЬ РЕЧИ КАК ФАКТОР
НЕГАТИВНОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ НА СОБЕСЕДНИКА
(на материале русского языка)¹**

Александр Сергеевич Дыбовский

Дальневосточный федеральный университет

г. Владивосток, Россия

<https://orcid.org/0000-0001-6236-0886>

E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Аннотация: В этой статье категория невежливости речи рассматривается на фоне широкого распространения «дурного языка» (сленга, вульгаризмов, обсценной лексики) в России в последнее десятилетие XX века. Все речевые высказывания (реальные и потенциально возможные) априори разделены на три категории: 1) вежливая речь, 2) нейтральная речь и 3) невежливая речь. Объектом анализа является прагматика невежливой речи. Невежливость определяется как специфические формы коммуникации, способные оказать негативное воздействие на получателя речи. Механизм возникновения негативного воздействия обсуждается с использованием максим Г. П. Грайса и сформулированного им принципа кооперативности коммуникативного поведения человека, а также максим такта. Языковые средства невежливости речи в русском языке

¹ Впервые опубликовано в академическом журнале Осакинского университета в 1997 г. [2, с. 75-94]. Публикуется в новой редакции, так как актуальность изучения прагматики речевой деятельности в последние десятилетия возросла, а соответствующее издание Осакинского университета недоступно для российских исследователей. В интернете можно обнаружить только новейшие номера указанного журнала.

First published in the academic journal of Osaka University in 1997. [2, p. 75-94]. It is published in a new edition because the relevance of studying the pragmatics of speech activity has increased in recent decades, and the corresponding edition of Osaka University is not available for Russian researchers. Only the latest issues of this journal can be found on the Internet.

каталогизированы и кратко описаны. Особое внимание уделяется поэтике бранной речи, а также средствам выражения грубости в отношении личности посредством ссылок на предметы его/её обладания, включая части тела. Концепция, представленная в статье, иллюстрируется примерами из русской литературы XX века.

Ключевые слова: невежливость речи, прагматика грубой речи, эмоциональная речь и максимы Г.П. Грайса, невежливая речь и принципы коммуникативного речевого поведения, языковая ситуация в России конца XX века, поэтика бранной речи

Для цитирования: Дыбовский А.С. Невежливость речи как фактор негативного воздействия на собеседника (на материале русского языка) // Педагогика: история, перспективы. 2025. Том. 8. № 2. С. 129-152
DOI: 10.17748/2686-9969-2024-8-2-129-152

Research Article

IMPOLITENESS IN SPEECH AS A NEGATIVE IMPACT ON THE INTERLOCUTOR (a Study Based on the Russian Language)

Alexander S. Dybovsky

Far Eastern Federal University

Vladivostok, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6236-0886>

E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Abstract: This article examines the issue of impoliteness in speech within the context of the widespread use of "bad language" (slang, vulgarisms, obscene lexicon) in Russia during the last decade of the 20th century. Speech utterances are preemptively categorized into three types: 1) polite speech, 2) neutral speech, and 3) impolite speech. The analysis primarily focuses on the pragmatics of impolite speech. Impoliteness is defined as specific communicative forms that can negatively impact the recipient. The mechanism behind the emergence of this negative impact (impoliteness) is explored using H. P. Grice's maxims and his principle of cooperative communicative behavior. The linguistic means of impoliteness in Russian are cataloged and briefly outlined. Particular attention is paid to the poetics of rude speech, as well as the means of expressing rudeness towards individuals through references to their possessions, including body parts. The concepts presented in this article are illustrated with examples from 20th-century Russian literature.

Keywords: speech impoliteness, pragmatics of rude speech, emotional speech and Grice's maxims, impolite speech and principles of communicative behavior, linguistic situations in late 20th century Russia, poetics of abusive speech

For citation: Dybovsky A. S. Impoliteness in Speech as a Negative Impact on the Interlocutor (a Study Based on the Russian Language). Pedagogy: History, Prospects. 2025. Volum 8. № 2, P. 129-152 (In Russ.).

DOI: 10.17748/2686–9969–2024–8-2-129-152

Введение

История России 20-го столетия дает нам классический материал, показывающий взаимосвязь языка и культуры, языка и общества. Войны и революции, периоды анархии и двоевластия, голода и разрухи, классовой ненависти и массового террора оказали влияние и на состояние русского языка. Социальные потрясения дестабилизируют общество, меняют парадигму общественной жизни, заставляют людей бороться за существование, приспосабливаться к новым условиям, тем самым делают их более уязвимыми, неуравновешенными, раздражительными и агрессивными, что ведет к более частому употреблению форм грубой речи, связанной с культурой насилия.

Люмпенизация и маргинализация общества влечет за собой и распространение «дурного языка». Имевшее место в начале XX века физическое уничтожение прежних господствующих классов, изгнание старой элиты, нигилистическое отношение новой власти к дореволюционной культуре вызвали и сдвиги в стилистике русского языка, привели к выходу из употребления старых званий и титулов, видоизменению системы обращений и обозначения лиц, упрощению системы форм вежливости. Приход в государственный аппарат, административные, партийные, профсоюзные и хозяйственные органы большого количества малограмотных людей способствовал развитию канцелярско-бюрократического жаргона, вхождению в литературный язык элементов просторечия и арго. Тотальный контроль над культурой со стороны большевистской партии обусловил ломку традиционных канонов речевой эстетики, распространение образцов партийного «новояза» (ср. аббревиатуры типа *ликбез*, *комбед*, *совдеп*, *нарком*, *чеквалап* – чрезвычайная комиссия по заготовке валенок и лаптей, а затем ГУЛАГ, ОСО – *особое совещание*, ПШ – *подозрение в шпионаже*, ЧС – *член семьи осужденного*; СМЕРШ и т. д.).

Уничтожение высокой культуры, подрыв основ нравственности, массовые репрессии, прохождение миллионов людей сквозь сеть лагерей способствовали невиданному распространению многих ненормативных выражений: жаргонизмов, варваризмов, блатного языка. В XX веке элементы лагерного языка (воровского арго) проникли не только в солдатскую казарму, но и в студенче-

скую аудиторию, и в подростковую среду, не говоря уже о милиционерах и коммерсантах. *Авторитет, беспредел, разборка, вор в законе, крутой, баксы, штуки, круто наварили, поднялся, фраер, мент, макли, кидала, амбал, шкет, котлы* и многие другие слова и словосочетания в постсоветскую эпоху вышли далеко за пределы воровского жаргона, а первые четыре даже вошли в литературный язык.

Распространению грубой, вульгарной, ненормативной речи способствовала и демократизация российской жизни, вылившаяся в свободу зарабатывания денег любыми средствами и породившая бесчисленное количество стриптиз-шоу, казино, полуправильных предприятий интимных услуг. Либерализация издательского дела, снявшая цензурный контроль государства над языком печатной продукции и масс-медиа, открыла дорогу не только шедеврам андерграунда, но и похабщине, порнографии, натурализму. Меркантилизация и коммерциализация человеческих отношений нанесли невосполнимый ущерб нравственности общества. Новые маргинальные герои вошли в художественную литературу, стали романтизироваться средствами кино, воспеваются звездами эстрады [3].

Натурализм в изображении языка «улицы» был характерен для многих газетных публикаций. Самые грязные ругательства перестали скрывать за многоточием и стали употреблять без стеснения во многих художественных произведениях конца XX в. (ср.: «Русская красавица» Виктора Ерофеева, «Коммерсанты» Ильи Штемлера, «Кочевание до смерти» Владимира Максимова, «Игра в жмурки» Владимира Влахова и многие другие¹). В первое десятилетие постсоветской эпохи многие ранее «непечатные» слова пришли в литературу и на театральную сцену. Были переизданы нетленный «Лука Мудищев» И. С. Баркова, нецензурная эротическая поэзия, множество вульгарных произведений, приписываемых в том числе и русским классикам. На прилавках книжных магазинов в обилии появились «шедевры» переводной бульварной литературы. Раньше цензура не пропускала такие произведения, но в конце XX века такие произведения стали переиздаваться большими тиражами. Были изданы также словари тюремно-лагерно-блатного жаргона [4] и идиоматических выражений с обценной лексикой [1]. Изучение низкой, грубой, вульгарной, «матерной» и прочей ненормативной речи стало в 1990-е гг. актуальной проблемой.

В этой публикации мы обращаемся к понятию невежливости речи и рассматриваем механизмы возникновения, а также прагматику невежливости, в частности, в связи с нарушением субъектом речи принципа кооперативности [8]. С позиций теории прагматики речи анализируем примеры из русской литературы XX века с целью выяснить специфику невежливой (бранной) речи и выявить арсенал языковых средств негативного воздействия на адресата речи в русском языке.

¹ Более подробный список можно найти в [1, с 307–308].

Целью исследования является изучение прагматики невежливой (грубой) речи, а также механизмов её возникновения и воздействия на получателя речи.

Методы

Методом функционально-семантического анализа мы проанализировали большой массив текстов русской художественной литературы на основе философии языковой коммуникации Г.П. Грайса [8], описали и систематизировали важнейшие ресурсы русского языка, обладающие потенциалом негативного воздействия на получателя речи. Выявили необходимость дополнить принцип кооперативности Г.П. Грайса в коммуникации максимами такта, призванными смягчать речевое взаимодействие коммуникатора и реципиента.

В двух заключительных разделах этого очерка рассматривается выражение невежливости по отношению к обладателю чего-либо через объект обладания, а также описываются некоторые особенности поэтики бранной речи.

1. Определение понятия невежливости речи

Начнем с невежливости поведения. В русской культуре есть много форм поведения, которые считаются невежливыми. Например, невежливо перебивать чью-то речь, поворачиваться к собеседнику спиной, не снимать головной убор в помещении, отвечать вопросом на вопрос, невежливо разговаривать с женщиной сидя и т.д. Рассмотрим последний случай подробнее.

Ситуация 1. Некто сидит в ресторане. В это время с ним заговаривает подошедшая женщина, его знакомая. Будет ли невежливым, если он не встанет во время разговора с ней? Безусловно, этикет требует этого от мужчины. Что произойдет, если он этого не сделает? Вероятно, ожидания его собеседницы будут обмануты, и ее самолюбие будет задето.

Ситуация 2. Начальник сидит в своем кабинете. Входит секретарша, чтобы забрать бумаги. Встанет ли начальник? Скорее всего – нет. Будет ли это оскорблением для секретарши? Разумеется, нет. В данной ситуации она и не ожидает от начальника соблюдения светских приличий.

Ситуация 3. С работы приходит жена. Муж не встает, а только машет рукой в знак приветствия, продолжая читать газету. Сочтет ли жена его поведение оскорбительным? Да, если он всегда вставал, и нет, если этого в данной семье принято не было. Отсюда можно заключить, что невежливость возникает при нарушении сложившихся форм общения людей, когда некто не делает должного, в результате чего страдает самолюбие другого лица, или, иначе говоря, другое лицо испытывает негативное воздействие.

Таким образом, невежливость есть нарушение сложившегося ритуала общения, которое влечет за собой чьи-то обманутые ожидания, то есть, невежливость как категория межличностных отношений всегда есть нарушение сложившегося порядка, жизненных ритуалов, правил приличия, принятых форм

взаимодействия людей, чреватое для кого-то отрицательными эмоциями или даже потерей лица¹.

Априори мы будем считать, что все речевые произведения в русском языке (действительно произнесенные и только потенциально возможные) по воздействию на получателя речи подразделяются на три вида: 1) вежливая речь (*Не извольте беспокоиться; Премного вам благодарны*); 2) нейтральная речь (*Мир спасёт красота; Хоккеисты возвращаются в родные клубы*); 3) невежливая речь (*Ходят тут всякие; Замолчи, мерзавец! Зенки твои наглые!*). Три вышеназванные разновидности речевых произведений присутствуют, вероятно, во всех языках, но соотношение между вежливой, нейтральной и невежливой речью может быть различным. В этом легко убедиться при самом поверхностном сопоставлении русского языка с японским. В японском языке нейтральная речь в количественном отношении явно уступает вежливой, выражение вежливости даже в речи не о лицах – обычное явление, средств выражения невежливости относительно немного. В русском языке, наоборот, центральное место занимает нейтральная речь, вежливость/невежливость выражаются преимущественно в речи о лицах, в количественном отношении средства невежливой речи преобладают над средствами вежливой. При всей трудноопределимости понятия вежливости речи [6, с. 1–17] можно сказать, что вежливость проистекает из стремления отправителя речи позаботиться о том эффекте, который его речь может произвести на получателя речи, из заботливого отношения коммуникатора к личности получателя речи и его чувствам. За вежливостью речи как одной из важных сторон поведения человека стоят добрая воля отправителя речи и его внимание к соблюдению правил приличия. Поэтому вежливая речь, как правило, помогает говорящему субъекту быть гуманным и конструктивным, действовать социально целесообразно [6, с. 2].

Вежливость позволяет коммуникатору и реципиенту сохранить лицо, смягчить действия, могущие нанести ущерб той или иной личности, её статусу или престижу. Это утверждение не опровергается случаями избыточной вежливости, когда, скажем, кто-то, общавшийся с вами на "ты", вдруг переходит на "вы". Такие случаи можно считать вторичными: избыточной вежливостью имплицитируется какое-то изменение в сложившихся отношениях, например, обида или желание коммуникатора по каким-то причинам отдалиться от собеседника.

Вежливость можно определить, как одну из составляющих человеческого поведения [6, с. 2], назначение которой состоит в том, чтобы смягчать взаимодействие членов того или иного социума, помогать им сохранять лицо в разных ситуациях общения, анестезировать чреватые угрозой потери лица действия.

Жизнь социума вырабатывает правила вежливости – суть модели оптимального поведения (в том числе речевого) в типичных ситуациях общения. Соответственно, невежливость (в противоположность вежливости) проистекает

¹ В смысле, определённом в [6, с. 61].

из агрессивности, стремления к доминированию, отказа от сотрудничества, установки на конфронтацию, нарушение правил этикета и норм социально целесообразного поведения. Невежливость может быть вызвана срочностью сообщения, не оставляющей коммуникатору времени на выполнение соответствующего ритуала, раздраженностью коммуникатора, его неспособностью контролировать свою речь и прочими факторами, но невежливость всегда чревата негативным воздействием на получателя речи.

Вероятно, в каждом языковом коллективе существуют типовые модели или правила, по которым, учитывая условия речевой ситуации и «соотношение сил» между коммуникатором и реципиентом, производится выбор стратегии речевого поведения. В определении последней важную роль играют особенности личности коммуникатора, его жизненный и языковой опыт, этические и эстетические пристрастия. Коммуникатор прогнозирует эффект, который его речь может произвести на реципиента, проверяет правильность своего прогноза по реакции собеседника, и в случае необходимости корректирует свое поведение. Реципиент, в свою очередь, принимая во внимание условия ситуации общения и «соотношение сил» с коммуникатором, на основе своего речевого опыта строит свой прогноз необходимого уровня вежливости речи. Если прогноз и реализация модели не совпадают, и уровень вежливости не соответствует прогнозируемому, реципиент получает импульс негативного воздействия.

Строго говоря, оценка воздействия речи всегда субъективна. Она связана с личностью получателя речи. Невежливость может усматриваться там, где её нет. За оскорбление может приниматься самое невинное речевое высказывание или неречевое действие. Для простоты от особенностей индивидуального восприятия речевого воздействия мы абстрагируемся.

В этом разделе мы проанализировали понятие невежливости в контексте русской культуры, рассматривая различные формы поведения людей, которые могут восприниматься как невежливые. На примерах конкретных речевых ситуаций мы показали, что невежливость обычно проистекает из нарушения установившихся общественных ритуалов и оказывает негативное воздействие на собеседника. Это может происходить через обманутые ожидания, которые, как правило, вызывают у получателя речи чувство ущемленного достоинства или посягательства на его личность.

2. Невежливость речи и принцип кооперативности

Принцип кооперативности Г.П. Грайса (Herbert Paul Grice, 1913–1988) [8, с. 41–58] не случайно получил признание и применение в теории речевой коммуникации [9, 7]. Он формулирует важные закономерности речевого обмена информацией. В максимах Г.П. Грайса¹ представлены базовые принципы опти-

¹ 1) максима качества (Quality). Говорите правду. Избегайте высказываний, в которых вы не уверены или которые ложны. 2) максима количества (Quantity). Будьте

мального коммуникативного поведения человека, обусловленные принципом кооперативности. Но только ли речевое поведение индивидуума кооперативно? Сам Г.П. Грайс по этому поводу замечает: “There are, of course, all sorts of other maxims (aesthetic, social, and moral in character), such as ‘Be polite’, that are normally observed by participants in talk exchanges...” [8, с. 47].

История человечества – это история борьбы индивидуализма и коллективизма, эгоизма и альтруизма, животной агрессивности и взаимопомощи. И сейчас в человеке сосуществуют те же два начала. Но вид *homo sapiens* занял высшую ступеньку в эволюции животного мира благодаря тому, что особи этого вида сумели подчинить своё «эго» законам коллективного существования. И достижение жизненного успеха для человека всегда было связано с умением сочетать свой эгоизм с нормами существования в социуме. Поэтому странно было бы, если бы принцип кооперативности распространялся только на речевое поведение. Само существование человека в обществе людей обычно кооперативно. Г.С. Грайс пишет, что для человека «более естественно говорить правду, чем изобретать ложь» [8, с. 48], но для человека также более естественно и, главное, более целесообразно с точки зрения его взаимоотношений с людьми быть вежливым, тактичным, корректным, милосердным, чем грубым, бестактным, необязательным и жестоким, и даже следовать христианским догматам – *не убий, не укради, не суди...* Тем более соблюдать этические нормы, выработанные данным этноязыковым сообществом.

Нормами коммуникативного взаимодействия людей в той или иной лингвокультуре задаются очень многие параметры общения, начиная от того, на каком расстоянии от собеседника нужно находиться в момент речи и заканчивая формами (сценариями) таких речевых действий, как обращение, повеление, просьба, поздравление, отказ и т.д. Кооперативное поведение индивидуума направлено на то, чтобы облегчить другим членам сообщества взаимодействие с ним.

Неприятие собеседника, его действий, поведения, суждений, образа мыслей, реплики, может проявиться в нарушении принципа кооперативности, которое становится сигналом конфликтного поведения, оказывающего на получателя речи негативное воздействие. Рассмотрим несколько примеров:

- (1) – *Не знаешь, Лопахин, куда нас старшина ведет?*
 - *К Дону.*
 - *Я не про то, к мосту он ведёт или куда?*
 - *Левее.*

информативны. Давайте столько информации, сколько необходимо, но не более того. 3) Максима отношения (Relation). Будьте релевантны. Стремитесь к тому, чтобы ваше сообщение было актуальным и уместным в контексте обсуждения. 4) Максима манеры (Manner). Избегайте неясности выражения. Стремитесь к ясности, избегайте неоднозначности, будьте кратки и упорядоченны [8].

– *А на чём же мы переправляться будем?*

– **На соплях**, – отрезал Лопахин

(М. Шолохов);

(2) – *Хорошо, а зачем нужен свет?* – вступил Русанов в мирные переговоры.

– **В заднем проходе ковырять!** – сгрубил Костоглотов (А. Солженицын);

(3) – *Так если почитать или что другое – можно выйти в коридор, – справедливо указал Павел Николаевич. Почему вы присваиваете себе право решать за всех? Тут – разные больные, и надо делать различия.*

– **Сделают**, – оклычился тот. **Вам некролог напишут, член с такого-то года, а нас – ногами вперед**

(А. Солженицын).

В примере (1) последняя фраза Лопахина содержащимся в ней импульсом негативного воздействия заставляет собеседника замолчать. Негативное воздействие проистекает из некооперативного поведения Лопахина, нарушающего сразу три максимы Грайса (качества, количества, существенности информации). Тем самым имплицитруется следующее: «Не приставай ко мне с глупыми вопросами; я не желаю продолжать этот разговор». Естественно, разговор прерывается.

В примере (2) ситуация аналогична: ответ Костоглотова сразу же распознается получателем речи как реплика, не соответствующая правилам кооперативности, сформулированным в максимах Грайса. Негативное воздействие на получателя речи усиливается тем, что упоминается часть тела, связанная с отправлениями человеческого организма.

Содержательная псевдокооперативность реплики Костоглотова в примере (3) скрыта глубже: формально принцип кооперативности соблюдается, идея собеседника подхватывается и развивается, но при этом говорится вовсе не о тех «различиях», которых добивался Павел Николаевич. Псевдокооперативность, скрытая за внешней кооперативностью – классическая форма издевки, третирования собеседника. Чем глубже скрыта псевдокооперативность, тем более издевательским и изощренным становится издевательство. Негативное воздействие усиливается упоминанием смерти (участники диалога – онкологические больные) и двусмысленностью слова «член».

Таким образом, все три случая являются примерами псевдокооперативности, когда один из собеседников сознательно нарушает правила эффективного коммуникативного поведения, сформулированные в максимах Г.П. Грайса, тем самым манифестируя негативное отношение к своему партнёру по коммуникации.

В максимах Г.П. Грайса формулируются правила оптимизации языкового обмена информацией. Однако общение людей не ограничивается только обменом информацией. Когда общение переходит в плоскость выражения эмоций, чувств, в противоборство амбиций, когда речевые высказывания служат не

столько для передачи информации, сколько для проявления межличностных отношений, на передний план выходят правила этического взаимодействия коммуникатора и реципиента в диалоге. Назовем наиболее очевидные:

- ① Будь корректен, соблюдай правила приличия.
- ② Не посягай на личность собеседника.
- ③ Не думай плохо о собеседнике.
- ④ Будь сдержан в проявлении эмоций.

Эти четыре правила кооперативного поведения можно было бы назвать максимами такта. Рассмотрим еще несколько примеров.

- (4) Алла. *Всё? Твое время истекло?*

Бузыкин. *В домоуправление надо забежать, пристают, чтобы я им лекцию прочитал.*

Алла помолчала.

Бузыкин. *Никуда я не пойду.*

(М. Володин. «Осенний марофон»)¹;

- (5) – *А ещё у нас в колхозе был такой случай...*

– **Закройся со своими случаями!** – строго сказал Лопухин

(М. Шолохов);

- (6) Судаков. *Я хочу...*

Наталья Гавриловна (падавая его). **Молчать! Как стоишь? Пузо подбери. Как стоишь, я тебе говорю? Кругом! Что тебе сказано?** (

В. Розов. «Гнездо глухаря»).

- (7) *Ну вот, всегда вы с лыжами в комнату*

(А. Арбузов. «Таня»)

- (8) *Тут добродушная соседка вперёд выступает.*

– *Я, говорит, его обмою. Я, говорит, Иван Саввич, тебя обмою. Ты не сомневайся. И денег с тебя за это не возьму. Это, говорит, вполне божеское дело – обмыть покойника.*

Матрёна говорит:

– **Ах, она его обмоет! Скажите, пожалуйста. А гроб! А, например, тележка! А попу! Что я для этой цели свой гардероб буду продавать? Тьфу на всех. Пусть заработает немного денег и тогда пусть хоть два раза помирает**

(М. Зощенко).

В примере (4) один из собеседников (Алла) пропускает свою реплику, нарушив правило корректности коммуникативного поведения, чем было имплицитировано негативное отношение к поведению собеседника (Алла не хотела, чтобы Бузыкин уходил, но ей надоели его бесконечные отговорки). В примере

¹ Примеры, в которых кроме автора указывается название произведения, заимствованы из [5, с. 14–19].

(5) негативное отношение к собеседнику проявляется в требовании прекратить общение, его реплика игнорируется. Здесь также нарушено правило корректности. В примере (6) высказывание собеседника блокируется, он лишается слова, предметом посягательства становится личность собеседника. В примере (7) нарушено правило «Не думай плохо о собеседнике»: негативное воздействие возникает из-за того, что единичное действие преподносится как обычное, и получатель речи осуждается как постоянный и злостный нарушитель порядка в доме. Имеет место, так сказать, «презумпция виновности»: какое-то одно, возможно, случайное действие собеседника представляется как характерное для него, или же чьё-то отрицательное качество распространяется на всех окружающих (Ср. расхожие формулы житейской «мудрости»: «Все вы такие!» «Ходят тут всякие!» и прочие). Наконец, в примере (8) эмоциональная возбужденность одного из участников коммуникативной ситуации заставляет его прибегнуть к пародированию, в результате чего нарушаются правила 2 и 4. Предельным случаем такого речевого поведения является передразнивание, когда чье-то «Да-да-да!» значит: «Всё, что вы говорите, – сущий вздор, я не желаю вас больше слушать». Дополнительное негативное воздействие вызывает обозначение собеседника в третьем лице (См. раздел 3).

Обращение к принципу кооперативности и максимам Грайса помогло нам пролить свет на механизм возникновения негативного воздействия невежливой речи на её получателя. Негативное воздействие (невежливость) возникает в результате сознательного нарушения коммуникатором принципа кооперативности как реализация негативного отношения коммуникатора к реципиенту. Невежливость – это категория межличностных отношений, за которой стоит отказ от сотрудничества и кооперативного поведения. Некоторые, вероятно, наиболее типичные формы проявления невежливости закрепляются в определенных языковых формах и средствах. В рассмотренных примерах для выражения негативного отношения использовались в основном совершенно безобидные внешне нейтральные и даже вежливые (ср. «вы» – пример 7) языковые средства (содержание речевого высказывания может вступать в противоречие с его формой)¹, но в русском языке есть огромное количество языковых средств, которые изначально несут в своем значении отрицательно-оценочные, негативно-воздействующие компоненты. Эти средства связаны с невежливой (грубой, вульгарной, бранной) речью более непосредственно (см. третий раздел).

¹ Негативное отношение может выражаться и при помощи слишком высокой для обычного общения книжной лексики (первый пример), и за счет "перебора" в употреблении вежливых форм (второй пример), например:

1) Входят Федор и Леночка. Олег замер, глядя на них.

Федор. *Явился?... Ну?*

Олег молчит (В. Розов. «В поисках радости»);

2) Макары улыбнулся.

– *Уважаю в лапше петушья гребня, вот и все. Ты диву давался на счёт моих покупок, а вот, Андрей, диву даюсь – Почему ты на прополку не изволишь ходить?* (М. Шолохов).

Во второй части статьи мы рассмотрели связь невежливости речи с нарушением принципа кооперативности, сформулированного Г.П. Грайсом. Принцип предполагает соблюдение определённых максим коммуникативного поведения, которые способствуют эффективному обмену информацией. Субъект речи нередко сознательно игнорирует эти максимы Г.П. Грайса, что ведет к конфликтам и негативному воздействию на собеседника. На примерах из текстов литературных произведений мы показали, как нарушение принципов кооперативности может быть связано с различными формами псевдокооперативности, скрытой агрессии и иронии, которые усиливают негативное воздействие речи и могут стать причиной обид или конфликтов. Корректное и неконфликтное общение требует от субъекта речи соблюдения не только принципа информативной кооперативности, но также и максим такта.

3. Языковые средства негативного воздействия

Языковые средства негативного воздействия на получателя речи имеются на разных уровнях языка. На просодико-фонетическом уровне отрицательное отношение к кому-либо проявляется в тоне, темпе, паузации речи, изменении качества согласных (они удлиняются, становятся более интенсивными, придыхательными, ср.: Ннег-годяй! Сллюнтяй! Бес-стыжий! Ид-диот!), а также в той части интонации, которая называется «голосовой мимикой» (Ш. Балли).

На морфологическом уровне имеется несколько суффиксов с депрециативным (браным) значением, ср.: *дурило, мурло, падло, чудило, мудило* (исходная форма на -о в некоторых случаях может меняться на -а, например: *падло – падла*); *бычара, волчара, чайчара, сволочара*; *дурачина, образина, уродина, скотина*. На лексическом уровне это бранная (в том числе обценная) лексика, слова с негативно-оценочным компонентом значения, стилистически сниженная лексика, сленг и вульгаризмы. Русский язык богат разнообразными бранными словами. Центральное место среди них занимают следующие четыре группы¹.

1. Лексемы, указывающие на умственную неполноценность (*дурак, остолоп, тупица, тугодум, бестолочь, дундук, дегенерат, дуралей, балда*) или психическую ненормальность (*псих, идиот, кретин, прихопат*).

2. Лексемы, связанные с религией и суевериями: *бес, дьявол, черт, леший, ведьма*. Их немного.

3. Лексемы, связанные с сексом, отправлениями человеческого организма и соответствующими частями тела. Прежде всего это обценная лексика («мат»). Она заслуживает отдельной «поэмы», и потому мы здесь ее не касаемся.

4. Названия животных, их действий, частей их тела и т.д. В истоке использования названий животных лежит метафорическое обозначение лиц.

¹ Ср. [10, с. 101–102].

Названия многих животных используются для обозначения каких-то отрицательных качеств людей: *заяц* (*зайка, зайчик, зайчишка, зайчонка*) – трусость; *волк* (*волчара*) – жестокость, злобность; *медведь, слон* – неуклюжесть; *лиса* – хитрость; *черепаха* – медлительность; *обезьяна, мартышка* – внешняя непривлекательность, вертлявость; *собака* (*шавка, сямка*) – низость человеческих качеств; *сука* – еще большая низость; *кобель* – мужская сексуальная распущенность; *ишак, осёл* – глупость, упрямство; *кошка* – женская сексуальная неумеренность; *змея* – злое коварство; *ворона* – мрачность и нечистоплотность; *курица* – ограниченность интеллектуальных способностей; *петух* – драчливость, заносчивость, агрессивность; *свинья, чушка* – нечистоплотность, непорядочность; *индюк* – тупое самодовольство. Не составляют исключения названия насекомых: *жук* – скрытность, скрытый эгоизм или индивидуализм; *вошь* – мелкая пакостность, *клоп* – паразитизм, *гнида* (*личинка вши*) – скрытая злобность. Так же метафорически могут использоваться слова, обозначающие части тела животных – *рыло, морда, брюхо, пасть, хобот, хвост, клыки* и проч. Подобным образом используются слова, обозначающие действия животных – *ржать, жрать, выть, кукарекать, скулить, тявкать, рычать, реветь* и т.д.

Кроме того, в качестве бранных слов используются названия некоторых болезней (*язва, холера, зараза, чума*), лексемы (или сочетания лексем), обозначающие незрелость или несамостоятельность (*мамин сын, молокосос, сопляк*), лексемы, указывающие на феминизированность (*баба, институтка, кисейная барышня*), лексемы, обозначающие что-то неполноценное (*раздолбанное корыто, сухое дерево, гнилой пенек, собака плешивая, черт лысый, паразит поганый, верблюд облезлый*), лексемы, обозначающие что-то неприятное (*навоз, дерьмо*), что-то абсурдное (*лихорадка на двух ногах*) и многие другие. Когда же подходящего слова не находится, используются слова с неопределенно-отрицательным значением (*этакий, эдакий*).

Многие имена существительные имеют стилистически сниженные синонимы с негативно-оценочным значением, принадлежащие к вульгарной, просторечной или жаргонной лексике: голова – *балда, бестолковка, калган, кумпол, тыква*; лицо – *образина, вывеска, харя, морда, рыло*; глаза – *моргалы, буркалы, зенки*; рот – *варежка, хлебало*; руки – *грабки, грабли*; живот – *пузо*. Существует много оскорбительных слов для обозначения мужчины и женщины – и литературных (*болтун, демагог, тряпка, фигляр, хам, тихоня, скряга, бабник, мерзавец, подонок, недоносок, протитутка, путана, краля*), и просторечных (*жмот, жук, ханорик, богодул, ухажер, хахаль, мегера, мымра, выдра*) и относящихся к жаргонизмам (*фраер, кент, чувак, клепа, бикса, чувиха, лахудра* и т. д.); имеются и депрециативные обозначения некоторых профессий, например: работник полиции – *милтон, мент, фараон, мусор*; бизнесмен – *делец, аферист*; военный – *солдафон, салага*. Негативно-оценочный компонент входит в значение многих глаголов: *бухать, залупаться, выпендриваться, выначиваться, выкобе-*

ливаться, шляться, шастать, шарахаться, и т. д. Таким образом, слов с негативно-оценочным значением в русском языке огромное количество.

Негативное отношение коммуникатора к реципиенту может выражаться и при помощи некоторых грамматических форм.

1. Обозначение собеседника в третьем лице. За этой фигурой речи, вероятно, стоит демонстративное отстранение говорящего от собеседника и апелляция к окружающим за подтверждением справедливости и объективности оценки происходящего говорящим, например:

Ты что ржёшь, босяк?! – Наум Соломонович Дорман остановился перед сыном. – Привел в дом какую-то шлюху и поставил семейство с ног на голову. Ты видишь, что с матерью делается? Ему смешно! – он смотрел на сына как-то снизу вверх, он смотрел на сына как воробей на кошку, – остро и зло

(И. Штемлер);

— Что тебя там, есть по-человечески не учили? Клюет как курица. Вилку в руке держать не умеет. Как едят, так и работают. Совсем мне девочку испоганили. У всех дети как дети, а тут какая-то мумия замороженная, — причитала она за столом

(Инга Петкевич).

2. Употребление форм повелительного наклонения глаголов с местоимениями первого лица. Эта довольно неестественная фигура речи, вероятно, имеет в своем истоке цитирование, ср.: — *Ты работай, работай!* — **Я, значит, работай,** а вы отдыхать будете?

Ещё примеры:

Вася обмяк, скис и кулем сидел на снегу, с недоверием поглядывая на свои ноги в белых носках. — Дождались, — сказал он со злобой взглянув на Машеньку. — Я же её провожай, я и имущества лишайся.

(М. Шолохов);

— Нажрался, черт старый, а я бегай, как нанятая, ему бы только ханку трескать, бесстыжесу, а мне по миру ходить, людям кланяться, на хлеб собирать

(В. Максимов).

3. Наконец, выражение негативного отношения заложено в прагматике некоторых синтаксических клише, ср.: Иди ты на/в/к ...! (*Иди ты в баню!*); Тоже мне ...! (*Тоже мне фигура!*); Тоже мне ... нашёлся! (*Тоже мне интеллигент нашёлся!*); А ещё ...! (*А ещё в шляпе!*); А туда же! (*От горшка два вершка, а туда же!*); Чтоб тебе ... (*Чтоб тебе ни дна, ни крыши!*) и многие другие.

Все перечисленные в этом разделе средства несут в себе заряд негативного воздействия на окружающих, но это воздействие реализуется не всегда: и с помощью ругательств могут выражаться положительные эмоции, положитель-

ное отношение к действительности, негативно-оценочное значение может компенсироваться интонацией, ситуацией, особенностями речевого взаимодействия коммуникатора и реципиента (впрочем, это уже предмет отдельной статьи).

В этой части статьи были рассмотрены различные языковые средства, обладающие потенциалом негативного воздействия на получателя речи. Эти средства относятся к нескольким уровням языка, включая просодико-фонетический, морфологический, лексический и структурно-грамматический. Особое внимание было уделено возможностям метафорического использования названий животных, частей их тела, а также лексем, связанных с обозначением некоторых их действий.

Итак, русский язык на разных уровнях языковой системы располагает богатым набором средств с потенциалом негативного воздействия на получателя речи.

4. Невежливость по отношению к обладателю

В японском языке вежливость может выражаться по отношению к обладателю чего-то (например, частей тела) посредством употребления вежливых форм в речи об объектах обладания или даже об их частях и свойствах, например: お体力、弱っておられる、血圧は上がられました、内臓が大変お強いようだ *О-тайрёку, ёваттэ орарёру, кэцуацу ва агарарэмасита, найдзо: га тайхен оцуёй ё: да* – «Сила организма соизволила ослабнуть, кровяное давление изволило повыситься, но внутренние органы кажутся очень сильными»¹. В приведенном примере речь идёт о состоянии здоровья японского императора Хирохито (1901–1989; годы правления – эпоха *Сёва* – 1926–1989) в последние дни его жизни. К существительному 体力 *тайрёку* «сила организма» добавляется префикс вежливости *-о*, глаголы 弱る *ёвару* – «ослабевать» и 上がる *агару* – «повышаться» используются в вежливо-почтительной форме.

В русском языке подобным образом через предметы обладания и их свойства по отношению к обладателю может выражаться негативное отношение к кому-либо. При этом предмет обладания либо наделяется негативной характеристикой, либо обозначается при помощи стилистически сниженного слова с негативно-оценочным компонентом значения, например:

(1) – Ты на свои пятки фонари навесь, а то их не видно в потемках. Тоже с дамскими пятками оказался... – огрызнулся Капытовский
(М. Шолохов);

Эй, говорю, который мне тут порции подавал, неси мне, куриная твоя голова, лимонаду
(М. Зощенко);

¹ Цит. по [12, с. 117].

*Друг выигравшего говорит: – А ваше какое **собачье дело**? Ведь он добровольно соглашается*

(М. Зощенко);

*– Видишь, а спрашиваешь: к мосту идем или куда. Ты с **твоим телячьм рассудком** ясное дело повел бы людей к разбитому мосту огня хватать... И вообще отвяжись от меня со своими **дурацкими вопросами** без тебя тошно. И на пятки мне не наступай, а то я могу локтем у тебя кровь из носа вынуть*

(М. Шолохов);

(2) *Леночка. Конечно, для тебя все пустяки! Тебе это ничего не стоило. Ты привык жить в этом своем **клоповнике** целым калганом*

(В. Розов. В поисках радости);

– Ну, ты, мымра, – сказал человек глухим голосом.

*– Скидавай пальто. Да живо. А пикнешь, стукну по **балде** и нету тебя. Понял, сволочь, скидавай*

(М. Зощенко).

В первом блоке примеров отрицательное отношение к получателю речи проявляется в том, что к стилистически нейтральным словам – *пятки, голова, дело, рассудок, вопросы* – добавляются определения с негативно-оценочным значением. Во втором блоке примеров для обозначения объектов собственности получателя речи используются стилистически сниженная лексика со значением отрицательной оценки – *клоповник, балда, харя, бельмы*.

Разумеется, два описанных типа негативных характеристик объектов обладания могут совмещаться в одном высказывании, например:

– Замолчи, а то опояшу разок...

*– Опояшь! Тронь только, **харя твоя бесстыжая!**.. Только тронь!*

(В. Шукшин);

*У! Проклятый! Выколоть тебе **бельмы-то твои завистливые***

(А. Н. Островский).

Как видим, в русском языке отрицательное отношение к тому или иному лицу нередко выражается при помощи экспликации негативных характеристик предметов, являющихся объектами обладания соответствующего лица (в том числе и частей его тела).

Подобно тому, как в японском языке средства выражения вежливости употребляются по отношению к объектам обладания уважаемого лица, в русском языке негативное отношение к кому-либо может выражаться при помощи депрециативного обозначения предметов обладания соответствующего лица. Таким образом, объекты обладания могут быть использованы как средство выражения отрицательного отношения к их обладателю.

5. Несколько замечаний о поэтике бранной речи

«...он был намного веселее своих стихов.

Хорошо ругался. Делал это даже изящно»

(Лев Прыгунов об Иосифе Бродском)

Русский язык обладает поистине безграничными возможностями для создания произведений бранной речи, существуют и особые «поэтические» приёмы, фигуры бранной речи, которые веками вырабатывались в устном народном творчестве. И бранная речь может быть яркой, сочной, выразительной. Умение владеть бранной речью, в том числе обценной лексикой («матом») в русской культуре нередко воспринимается как достоинство, как своеобразное, пусть богохульное, но искусство.

В одном из эпизодов фильма А.А. Салтыкова по повести Ю.М. Нагибина «Председатель» герой картины говорит: «А ну-ка, ну-ка, бабы, зажмите уши!», – и раздражается отборной бранью. Бабы делают вид, что закрыли, но тайком прислушиваются и одобрительно улыбаются. Окаянные слова кого-то вводят в краску, но виртуозное владение ими вызывает уважение и даже определенное эстетическое удовольствие. Чувство эстетического наслаждения может возникнуть даже в том, на кого брань направлена, например:

И какая-то баба в сером платке, сильно размахивая руками и ругаясь, на чём свет стоит, торопливо шла за телегой, с трудом передвигая ноги в жидкой грязи. "Ты что ж это бродяга!" – кричала баба, доходя в некоторых словах до полного визгу. "Ты кого ж посадил-то, чёрт рванный? Обормот, горе твоё луковое!" Мой мужик оглянулся назад и усмехнулся в бороденку. "Ах, паразит-баба, паразит-баба," – сказал он с улыбкой – кроет-то как!

(М. Зощенко).

Вот как о притягательности «запретного плода» выражений с обценной лексикой пишет Венедикт Ерофеев в предисловии к повести «Москва-Петушки»: «Я получил с тех пор много нареканий за главу "Серп и Молот – Карачарово", и совершенно напрасно. Во вступлении к первому изданию я предупредил всех девушек, что главу "Серп и Молот – Карачарово" следует пропустить, не читая, поскольку за фразой "И, немедленно выпил" следуют полторы страницы чистейшего мата; что во всей этой главе нет ни одного цензурного слова, за исключением фразы "И немедленно выпил". Добросовестным уведомлением этим я добился только того, что все читатели, в особенности девушки, сразу схватились за главу "Серп и Молот – Карачарово", даже не читая предыдущих глав, даже не прочитав фразы "И немедленно выпил". По этой причине я счёл необходимым выкинуть из главы "Серп и Молот – Карачарово" бывшую там матерщину. Так будет лучше, потому что, во-первых, меня станут читать подряд, а во-вторых, не будут оскорблены».

Умелое использование ругательств – это тоже «искусство» владения языком, своеобразное языковое творчество, у которого есть свои законы, свои правила и приёмы. Основа бранной речи – метафорические и метонимические выражения. Например, морского офицера могут обозвать боцманом, слабохарактерного человека – тряпкой, гулящую женщину – подстилкой, а бедняка – босяком или голыхтой.

Бранная речь метка и точна. Она образно представляет самые колоритные фрагменты ситуации, например:

Хозяин, мало чего понимая, говорит:

*– Ах вот, когда ты мне попался, **рыбий глаз!***

(М. Зощенко).

За выражением «рыбий глаз» перед нами встает образ засывшего в молчании испуганного, растерянного, потерявшего дар речи героя.

Часто depreciативное выражение имеет уникальный характер, в его основе – сложный ассоциативный поиск, полет фантазии, неподражаемая индивидуальность, например:

*Вот погоди, **медицинская трубка**, я поправлюсь, ты мне ответишь за свое нахальство. Разве, говорю, можно больным такие речи слушать? Это, говорю, морально подкашивает их силы*

(М. Зощенко);

*Ну, говорит, **стручок**, твоё счастье, что заметил. Вези, говорит, назад*

(М. Зощенко).

Создание разухабистых бранных выражений – оборотная сторона языковой эстетики. Ссора, например, нередко превращается в словесную игру, в состязание в острологии, в соревнование в том, кто «красивее» выругается, более замысловато пригвоздит собеседника в словесном поединке. Это активное языковое творчество возбужденного, воинствующего ума, например:

*Ну разве можно с тобой говорить как с человеком? Всегда ты с разными подковырками, с подвохами, с дурацкими шуточками... **Желудочный рак ты, а не человек***

(М. Шолохов);

*– Хотя вас... ученые люди учили, однако сам вы, уважаемый, **пробка в медицине!***

*– А ты в медицине **дырка от бублика!** Ты можешь только новорожденным пупки резать, да старикам грыжи вправлять, а в нервах ты разбираешься, как баран в библии! Ты эту науку про нервы нисколько не постиг*

(М. Шолохов).

Банальное ругательство усиливается словом-характеристикой. Если кто-то обладает излишней полнотой, то его ударят по больному месту, назовут не просто индюком, а жирным индюком, если некто лыс, то быть ему лысым или плешивым чертом и т. д.

Подобно тому как в народном творчестве используются постоянные эпитеты в бранной речи есть частотная атрибутивная лексика – *поганый, позорный, несчастный, паршивый* и т. д. Одна из фигур бранной речи – употребление таких слов после определяемого слова (иногда с вкраплением усилительного "ты"), например:

*Ах, немец ты, немец, **паразит ты несчастный!***

(М.Шолохов);

*А он наверняка стукача своего фото над кроватью держит, **сука ты позорная!***

(И. Штемлер);

*Привык ты, вредный гад, на чужой земле топтаться и нахальничать...Всего-то он боится, на всех оглядывается, от ребятишек и то шарахается, как полоумный. Ну и ступай со своим авторитетом на выгон, за леоновское гумно, валяйся там на траве один, **кацап несчастный!***

(М. Шолохов).

Новое неожиданное определение может обновить избитое ругательство, создать его свежую версию, например:

*А нуте, – говорит, – **испанский подлец**, покажи документ*

(М. Зощенко).

В этом примере нет никакого национального предубеждения против испанцев. Для героя рассказа М. Зощенко «испанский» значит «из ряда вон выходящий». Значение высшей степени качества выражается иррационально, по смутным ассоциациям не очень образованного человека.

Другой стандартный прием бранной речи – антитеза. Какое-то из свойств, характеристик или идентичностей лица, о котором идет речь, отрицается и вместо отрицаемой характеристики приписывается какая-то иная, например:

*– Три недели кроме пшенной каши ничего от тебя не получаем, так делают порядочные повара? **Сапожник ты, а не повар!***

(М. Шолохов);

*– **Сухое дерево ты, а не человек! Даже не дерево ты, а гнилой пенек!** Ну есть ли в тебе ум? А еще тоже – пожилой человек, постыдился бы за свои такие поступки!*

(М. Шолохов).

Подобно тому, как плач по усопшему порождает все более ласковые любовные слова, так приступ негодования вызывает все более и более хлесткие и обидные ругательства, например:

*И слушать не хочу! Чтобы я позволила у себя в комнате лежать отрезанному носу?... **Сухарь поджаристый!** Знай умеет только бритвой во- зить по ремню, а долга своего скоро совсем не в состоянии будет исполнять, **потаскушка, негодяй!** Чтобы я стала за тебя отвечать полиции?... **Ах ты, пачкун, бревно глупое!** Вон его! вон! неси куда хочешь! чтобы я духу его не слыхала!*

(Н. В. Гоголь);

... И тут он не выдержал и сказал дрогнувшим от гнева голосом:

*– **Сука ты плешивая! Черт лысый, поганый!** Что же ты это делаешь, паразит?*

– Молчи, сделано уже. Тебе вредно ругаться. Давай-ка я помогу тебе на бок лечь, – примирительно проговорил санитар;

– Иди ты со своей помощью откуда родился и даже дальше! – задыхаясь от негодования и бессильной злобы, сказал Звягинцев.

*– **Вредитель ты, верблюд облезлый, чума в очках!** Что ты с казенными сапогами сделал, **сукин сын?** А если мне их к осени опять носить придется, что я тогда с пропоротыми голенищами буду делать? Слезами плакать? Ты понимаешь, что обратно, как ты их не сшивай, они все равно будут по шву протекать? **Стерва ты плешивая, коросточная! Враг народа, вот ты кто есть такой!***

(М. Шолохов).

Когда подходящего образа не находится или говорящий просто не желает конкретизировать свое отрицательное отношение к предмету речи, появляются обобщенно-негативные обозначения, например:

*Уродится же **этакая** ягодка на свете!*

(М. Шолохов);

Хулиганье, – ворчала она.

*– Им мало заборов. Не дети, а **неизвестно что...***

(И. Штемлер);

*Ты не повар, а **черт знает что**. Никакой выдумки не имеешь, никакой хорошей идеи у тебя в голове нет*

(М. Шолохов).

В последней (пятой) части статьи мы остановились на экспрессивных аспектах бранной речи в русском языке, затронули её эстетические особенности. Бранная речь была рассмотрена как форма языкового творчества, способного соержжать элементы игры, а также виртуозного владения языком. Как видим, и

в области бранной речи русский язык «велик и могуч», и бранная речь может быть наполнена разнообразными выразительными средствами и специальными поэтическими приёмами, отражающими колоритные черты русской языковой культуры.

Заключение

В этой статье на материале русского языка были рассмотрены особенности категории невежливости речи. На примерах из художественной литературы мы проанализировали механизмы порождения и структурные особенности невежливой (бранной) речи, показали, что её использование чревато негативным воздействием на адресата речи и конфликтами в общении людей. В статье была также показана связь невежливой (бранной) речи с общими конфигурациями русской лингвокультуры. В интерпретации примеров невежливой (бранной) речи использовались принцип кооперативности Г. П. Грайса, а также максимы такта. В заключение в тезисной форме сформулируем основные выводы, вытекающие из этого очерка.

1. Социальные бури XX века явились причиной снижения уровня языковой культуры российского общества. В эпохи социальных потрясений создаются оптимальные условия для распространения «языка улицы»: просторечия, вульгаризмов, арго, бранного языка. Поэтому за последнее столетие в русском языке возросло употребление ненормативных слов и выражений, снизился уровень образцов устного и письменного общения.

2. Невежливость – это нарушение принятых обществом норм взаимодействия людей, несущее негативное воздействие на окружающих. Невежливость – категория не столько языка, сколько общения, она становится категорией языка, когда выражается языковыми средствами.

3. Кооперативность поведения участников речевой коммуникации – одна из самых фундаментальных черт поведения человека. В ее основе лежат весь опыт, вся история социального существования человечества. Принципы кооперативности помогают понять логику поведения человека не только при обмене языковой информацией, но и в других видах взаимодействия людей. Максимы Грайса представляют собой частный случай представления принципа кооперативности для обмена языковой информацией.

4. Развитие форм невежливой (бранной) речи в каком-то языке автоматически снижает потребность в вежливых формах: нейтральные формы получают относительно более вежливое звучание (ср. русский язык); соответственно, развитие вежливых форм в каком-то языке снижает потребность в грубых формах: нейтральные формы приобретают относительно более невежливое звучание (ср. японский язык).

5. Исследование категории невежливости речи раскрывает сложные и многогранные аспекты языкового взаимодействия людей. Анализ языковых

средств, используемых для выражения невежливости, показывает, что негативное воздействие может осуществляться через различные уровни системы языка – от фонетики и просодии до морфологии, лексики и грамматических моделей. Из рассмотренных примеров следует, что невежливость может быть как явной, так и скрытой, и что обе формы имеют значительное воздействие на динамику межличностных отношений.

6. Сознательные или бессознательные отступления от выработанных обществом норм и стандартов взаимодействия людей в речевом общении, нарушение принципа кооперативности Г. П. Грайса, а также отклонение от максим такта могут привести к конфликтам и эмоциональным диссонансам, к нарушению общественной гармонии и возникновению негативных эмоций у участников общения.

7. Языковое творчество русского народа на фоне трагического исторического прошлого, большого количества бедственных ситуаций, смут и разора, деспотизма власти и жестокости внешних врагов создало поэтику бранной речи, которая является оборотной, запредельной стороной языковой эстетики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буй, Василий. Заветная русская идиоматика / Весёлый словарь крылатых выражений. М.: Помовский и партнёры, 1995. – 309 с.
2. Дыбовский, А.С. Невежливость как негативное воздействие на собеседника. На материале русского языка / 言語文化研究 第23号 = Изучение языка и культуры № 23. 1997. Р. 75-94.
3. Разинкин, В. Таланты и поклонники русской мафии // Литературная газета. 18 октября 1995. № 42.
4. Словарь тюремно-лагерного-блатного жаргона / Речевой и графический портрет советской тюрьмы / Данцик Сергеевич Балдаев, Владимир Кузьмич Белко, Игорь Михайлович Исупов / Одинцово: Края Москвы, 1992. – 525 с.
5. Федосюк, М. Ю. "Стиль" ссоры // Русская речь, 1993 № 5. С. 14-19.
6. Brown, P., & Levinson, S. C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 335 p.
7. Green, Georgia M. Pragmatics and Natural Language Understanding. Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. Hillsdale, New Jersey, Hove and London, 1989. – 180 p.
8. Grice, H. P. Logic and conversation // In P. Cole and J. Morgan (eds) Syntax and Semantics, vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. P. 41-58.
9. Levenson, Stephen S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 454 p.
10. Passin, Herbert. Japanese and the Japanese. Яп. перев.

- = 「英語化する日本の社会」 徳岡孝夫訳 東京、サイマル出版会 1982. – 288 p.
11. Politeness in Language. Studies in its History, Theory and Practice. Berlin, New York, 1992. – 451 p.
 12. 角田太作 「世界の言語と日本語」 東京、くろしお出版 1992. – 300 p.

REFERENCES

1. Bui, Vasily. The Coveted Russian Idiomatics / Cheerful Dictionary of Winged Expressions. Moscow: Pomovsky & Partners, 1995. – 309 p. (In Russ.).
2. Dybovskiy, A.S. Rudeness as a Negative Impact on the Interlocutor: A Study Based on the Russian Language / Language and Culture Studies, No. 23, 1997, pp. 75-94. (In Russ.).
3. Razinkin, V. Talents and Admirers of the Russian Mafia // Literary Newspaper. October 18, 1995. No. 42. (In Russ.).
4. Dictionary of Prison-Camp-Underworld Jargon / Vocal and Graphic Portrait of the Soviet Prison / Dantzig Sergeyevich Baldaev, Vladimir Kuzmich Belko, Igor Mikhailovich Isupov / Odintsovo: Edges of Moscow, 1992. – 525 p. (In Russ.).
5. Fedosyuk, M.Yu. "Style" of Quarrel // Russian Speech, 1993 No. 5. Pp. 14-19. (In Russ.).
6. Brown, P., & Levinson, S.C. Politeness: Some Universals in Language Usage. Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 335 p.
7. Green, Georgia M. Pragmatics and Natural Language Understanding. Hillsdale, New Jersey, Hove and London: Lawrence Erlbaum Associates, Publishers, 1989. – 180 p.
8. Grice, H.P. Logic and conversation // In P. Cole and J. Morgan (eds) Syntax and Semantics, vol. 3: Speech Acts. New York: Academic Press, 1975. Pp. 41-58.
9. Levenson, Stephen S. Pragmatics. Cambridge: Cambridge University Press, 1994. – 454 p.
10. Passin, Herbert. Japanese and the Japanese. Translated by Takao Tokuoka as 「英語化する日本の社会」. Tokyo: Saimuru Press, 1982. – 288 p. (In Jap.).
11. Politeness in Language: Studies in its History, Theory and Practice. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1992. – 451 p.
12. Kakuda, Taisaku. Languages of the World and Japanese. Tokyo: Kuroshio Publishers, 1992. – 300 p. (In Jap.).

Информация об авторе: Александр Сергеевич Дыбовский – кандидат филологических наук, почётный профессор Осацкого ун-та, доцент кафедры японологии, Дальневосточный федеральный университет.

<https://orcid.org/0000-0001-6236-0886>

E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Alexander S. Dybovsky – Candidate of Philological Sciences, Professor Emeritus of Osaka University, Associate Professor of Far Eastern Federal University.

<https://orcid.org/0000-0001-6236-0886>

E-mail: dybovskii.as@dvfu.ru

The author has read and approved the final manuscript

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 10.03.2025

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 28.03.2025

Принята к публикации / Accepted for publication: 27.04.2025

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов/ The author declares no conflicts of interests.